

DOI: 10.31857/S032103910011000-3

К ХРОНОЛОГИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ИСТОРИКА ГЕЛЛАНИКА

И. Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Гелланик Лесбосский — один из самых видных представителей греческой историографии V в. до н.э., автор очень большого количества трудов. Гелланик прожил чрезвычайно долгую жизнь, но надежно известных фактов из нее, к сожалению, мало, поскольку и биографические сведения о нем скудны, и занимались им редко. Из фигурирующих в исследовательской литературе датировок рождения Гелланика нам представляется наиболее вероятной восходящая к Аполлодору — 497/496 г. до н.э. Умер же он после 407/406 г. до н.э. (о нескольких событиях этого года упоминается во фрагментах его «Аттиды»). Сочинения Гелланика тематически достаточно четко делятся на три группы: мифографические, хорографические, хронологические. В статье выдвигается гипотеза, согласно которой они и создавались именно в таком порядке. Иными словами, в начале карьеры приоритетной тематикой историка была мифография, затем он увлекся хорографией, а в конце жизни стал серьезно заниматься проблемами хронологии. В подобной эволюции, как в зеркале, отразился общий процесс развития греческого историописания в V в. до н.э. (Ферекид Афинский — Геродот — Фукидид).

Ключевые слова: Гелланик Лесбосский, ранняя греческая историография, мифография, хорография, хронология, Ферекид Афинский, Харон Лампсакский, Геродот, Фукидид

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

TOWARDS THE CHRONOLOGY OF THE LIFE AND WORK OF THE HISTORIAN HELLANICUS

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00022a

Hellanicus of Lesbos was one of the most prominent representatives of the fifth-century BC Greek historiography, and a prolific author. Hellanicus lived an extremely long life, but unfortunately we have got only very few reliably attested facts from it, both because the biographical data on him are scanty and because he has been rarely studied. As regards the dates of Hellanicus' birth, which have been advanced in scholarly literature, the article argues for the date of 497/496 BC, going back to Apollodorus, as the most likely one. He must have died after 407/406 BC, as some events of that year are mentioned in fragments of his *Atthis*. In terms of genre, Hellanicus' works are divided clearly enough into three groups: mythographical, chorographical, and chronological ones. The hypothesis suggested in the article is that they were written in exactly this sequence. In other words, at the beginning of his career, the historian's priority topic was mythography, then he became interested in chorography, and in his late years he began to study seriously the problems of chronology. Such an evolution reflected the general development of Greek historical writing in the fifth century BC (Pherecydes of Athens – Herodotus – Thucydides).

Keywords: Hellanicus of Lesbos, early Greek historiography, mythography, chorography, chronology, Pherecydes of Athens, Charon of Lampsacus, Herodotus, Thucydides

Гелланик Лесбосский¹ – фигура весьма значимая в истории ранней греческой исторической науки, а в то же время его творчество изучено в явно недостаточной степени. И ведь не назовешь его незаслуженно недооцененным. В любом общем труде о древнегреческом (или в целом античном) историописании и сопряженных с ним жанрах (например, о мифографии) ему обязательно посвящается хоть краткий (изредка и более пространственный) пассаж² – это просто неизбежно. Все в общем согласны с тем, что в V в. до н.э. Гелланик был одним из трех самых крупных эллинских историков; два остальных – это, само собой, Геродот и Фукидид³. Достойное общество!

¹ Он был уроженцем и гражданином Митилены (*Suda* s.v. Ἑλλάνικος), но, кажется, нигде в источниках, кроме «Суды», не фигурирует как Гелланик Митиленский, всегда как Гелланик Лесбосский.

² См. (exempli gratia) Momigliano 1990, 62–63; Lendle 1992, 63–71; Luce 1997, 78; Pitcher 2009, 130; Fowler 2013, 682–695; Scanlon 2015, 21–22; Matijašić 2018, 124, 157–158, 182–183, 225.

³ Хотя Фукидид еще продолжал работать над своим трудом в первые годы IV в. до н.э., стадияльно он всецело принадлежит к предшествующему столетию. С другой стороны, Гекатей, фигура такого же масштаба, не может быть отнесен к историкам V в. до н.э. Он был еще жив (и весьма авторитетен) во время Ионийского восстания 500–493 гг. до н.э.,

Впрочем, по манере своей работы лесбосец, насколько можно судить, существенно отличался от обоих вышеназванных коллег. Из тех каждый посвятил всю свою жизнь созданию одного *opus magnum*⁴; Гелланик же написал большое количество трактатов меньшего размера (почти от всех них сохранилось большее или меньшее количество фрагментов⁵). Ф. Якоби более века назад⁶ предложил делить его наследие на три тематические группы, и эта классификация произведений интересующего нас автора остается общепринятой.

К первой группе (мифография) относят трактаты «Форонида» в двух книгах, «Девкалиония» в двух книгах, «Атлантида» в двух книгах, «Асопида», «Троянские дела» в двух книгах; ко второй (хорография и этнография) — трактаты «Эолийские дела»⁷ в двух книгах, «Лесбосские дела» в двух книгах, «Арголидские дела», «Об Аркадии», «Аттида» в двух книгах, «Беотийские дела», «Фессалийские дела», «Египетские дела», «Восхождение к святилищу Аммона», «Кипрские дела», «Лидийские дела», «Персидские дела» в двух книгах, «Скифские дела», «Об основании Хиоса», «Варварские обычаи»; к третьей (хронология) — трактаты «Жрицы Геры, что в Аргосе» в трех книгах, «Карнеоники» (т.е. победители на Карнейских играх в Спарте; для этого трактата отмечается наличие прозаической и стихотворной версий: Athen. XIV. 635e).

Вполне четкой и однозначной подобную систематизацию сочинений Гелланика, может быть, и нельзя назвать. Тут есть свои нюансы, особые случаи. Во-первых, «Аттида», несомненно, имела не только хорографический, но и хронологический характер (в связи с датировками по эпонимным архонтам). Во-вторых, «Троянские дела», которые обычно относят к жанру мифографии, могли

но, как следует из Геродота (V. 36; 49; в связи с этими пассажами см. Munson 2007, 160; Pelling 2007, 198–200), к тому моменту его труды были написаны и, стало быть, создавались в последней трети VI в. до н.э.

⁴ В этом с ними схож еще один видный историк того же периода — Ферекид Афинский. Он тоже оставил только один труд, но крупный (10 книг, т.е. даже больше, чем у Геродота и Фукидида).

⁵ См. их в Jacoby 1995, 104–152.

⁶ Jacoby 1912, 112–113.

⁷ Небольшая оговорка в связи с переводом нами всех названий такого рода (Αἰολικά, Λεσβιακά, Αἰγυπτικά, κтл.). В оригинале стоят просто прилагательные в обобщающем множественном числе среднего рода. Буквально их следовало бы передавать как «Эолийское», «Лесбосское», «Египетское» и т.п., но так не принято в русском узусе. Последовать примеру С.Я. Лурье, который перевел Ἐλληνικά Ксенофонта как «Греческая история»? Тогда получится «Эолийская история», «Лесбосская история», «Египетская история» и т.п. Но нам это тоже не кажется оптимальным. У нас недостаточно данных, чтобы ответственно утверждать, что эти трактаты были посвящены именно *истории* соответствующих регионов. Скорее всего они представляли собой их комплексные описания, включавшие описание природных условий, населения и его обычаев, разных местных «дикивинок», а также, помимо прочего, и рассказ о каких-то исторических событиях. Относительно «Египетских дел» уже давно и вполне основательно было предположено (Pearson 1975, 201), что они сильно напоминали «египетский логос» Геродота — вторую книгу его «Истории». Исходя из вышесказанного, мы предпочли тот вариант перевода, который представляется нам наиболее расширительным и нейтральным.

содержать и сведения по истории Трояды, относящиеся к периоду после Троянской войны, т.е. быть трудом не только мифографическим, но и хорографическим. Иными словами, в перечне трактатов Гелланика есть такие, которые стоят на грани между жанрами. Особый случай — несколько загадочное произведение, которое фигурирует в ссылках то как «Основания племен и городов», то как «О племенах», то как «Названия племен». В целом тут перед нами, конечно, хорография, однако упоминание об основаниях городов сближает труд с жанром *ἱστοίης*⁸. Также на основании дошедших фрагментов из него можно предположить, что он имел и определенные общие черты с «Описанием Земли» Гекатея.

Как бы то ни было, впечатляющий перечень трудов Гелланика позволяет составить о нем представление как авторе чрезвычайно плодовитом. Перечень этот настолько велик, что неоднократно, начиная с того же Якоби, предпринимались попытки его уменьшить, предположив дублеты в передаче заголовков трактатов. В принципе это не лишено резона. Так, допустимо, что «Эолийские дела» и «Лесбосские дела» — одно и то же сочинение: малоазийская Эолида — это, в общем-то, прежде всего Лесбос. Далее, не исключено, что «Лидийские дела», от которых дошел всего один фрагмент, да и тот сомнительный, — не отдельное произведение, а часть «Персидских дел». Можно было бы привести и другие примеры.

Но даже после всех подобных операций наследие Гелланика все-таки остается исключительно обширным. Да, в каждом из его трудов не столь много книг (максимум — три), но в совокупности их набирается столько, сколько не было, наверное, ни у одного другого прозаика V в. до н.э. (разве что, может быть, у Иона Хиосского⁹, да и то вряд ли). Разумеется, здесь сыграл свою роль и тот фактор, что Гелланик прожил очень долгую жизнь (о некоторых связанных с ней датировках как раз и пойдет речь ниже).

Самый значительный вклад Гелланика в развитие древнегреческой историографии всеми справедливо связывается с его штудиями в области хронологии¹⁰. Здесь он был в полном смысле слова первопроходцем¹¹, а появление его трактата «Жрицы Геры, что в Аргосе» (в ссылках античных авторов на него нередко фигурирующего просто как «Жрицы», *Ἱέρειαι*) стало, несомненно, этапным. До того хронология отнюдь не входила в число приоритетов для эллинских историков. В частности, в труде Геродота не наблюдается какой бы то ни было хронологической акрибии.

Новшество Гелланика в «Жрицах» заключалось в том, что он начал проводить синхронизацию эпонимных магистратов различных государств греческого мира, а в качестве «камертона» для такой синхронизации выбрал список верховных

⁸ В связи с этим жанром прежде всего см. Dougherty 1993.

⁹ О плодовитости Иона как писателя см. Jennings, Katsaros 2007, 2–3.

¹⁰ Это подчеркивается практически в каждой работе, где речь заходит о Гелланике (например: Smart 1986, 30–31; Fowler 2013, 685–687). Укажем также специальную статью именно об этом аспекте его деятельности: Möller 2007.

¹¹ Также во второй половине V в. до н.э. проблемами хронологии интенсивно занимался софист Гиппий Элидский (он, в частности, изучал список олимпийцев). Р. Фаулер ставит вопрос, кому же все-таки принадлежит приоритет в данной сфере — Гелланику или Гиппию, и приходит к выводу, что скорее Гелланику, а Гиппий шел уже по его стопам (Fowler 2013, 685–687).

жриц аргосского Гераяона, ведшийся с незапамятных времен (в ранней своей части, естественно, полубоготворный). Подобную «эпонимную хронологию» Гелланика впоследствии критиковал Фукидид, противопоставляя ей собственное изобретение — «сезонную хронологию»¹². Именно этой критике обязано своим появлением единственное в фукидидовском труде упоминание Гелланика (Thuc. I. 97. 2; как известно, никого другого из своих предшественников, кроме Гелланика, — даже Геродота! — Фукидид вообще не называет по имени): «А написал я это и сделал такое отступление потому, что у всех моих предшественников это место¹³ было оставлено без внимания и они описывали или эллинские дела до мидийских войн, или сами мидийские войны. А тот из них, кто все-таки коснулся его в сочинении об Аттике — Гелланик, — упоминает о нем лишь кратко и без точности в хронологии».

Это строгое суждение побуждает считать, что попытки хронологических изысканий, предпринятые Геллаником, были еще очень робкими и во многом неудачными. Впрочем, тут не обойтись без оговорок. Во-первых, Фукидид был вообще очень строг ко всем остальным авторам, полагая (и не без оснований), что сам он задает новые, более высокие стандарты для историописания (в том числе и в плане хронологии) и квалифицированно реализует их. Уступать в чем-либо такому гиганту, как Фукидид, — это не предмет для упрека. Во-вторых, обратим внимание на то, что в цитированном пассаже речь идет об «Аттиде» Гелланика, а не о его «Жрицах». К последним же историк Пелопоннесской войны относился, похоже, более позитивно, использовал это сочинение. Приведем в данной связи следующее место: «В течение четырнадцати лет продолжал существовать тридцатилетний мир, заключенный после завоевания Евбеи. На пятнадцатый же год, *сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе* (курсив наш. — И. С.), когда Энесий был эфором в Спарте, а Пифодору оставалось четыре месяца архонства в Афинах, на шестнадцатый месяц после битвы при Потидее, в начале весны отряд вооруженных фиванцев числом немногим более трехсот человек под предводительством беотархов Пифангела, сына Филида, и Диемпора, сына Онеторида, в начале ночного сна вторгся в беотийский город Платеи, союзный с Афинами» (Thuc. II. 2. 1; пер. Г.А. Стратановского).

Это — один из самых важных, ключевых пунктов во всей «Истории» Фукидида: рассказ о *первом* событии Пелопоннесской войны (весна 431 г. до н.э.). Собственно, с этой точки начинается основная часть труда — изложение событий вооруженного конфликта между Спартой и Афинами (вся первая книга представляла собой, по сути дела, развернутое введение). И характерно, что в таком важном месте Фукидид опирается на данные не кого иного, как Гелланика (ссылки на него тут нет, но это не имеет никакого значения), что совершенно очевидно из пассажа, выделенного курсивом, с упоминанием имени жрицы и года ее жречества.

Та же Хрисиды, кстати, ниже появляется у Фукидида еще один раз и тоже в характерном контексте: «Тем же летом (423 г. до н.э. — И. С.) погиб в огне храм Геры

¹² Об отношении Фукидида к Гелланику см. Lendle 1968; Smart 1986.

¹³ События периода Пентеконтаэтии. Гелланик был единственным историком, обратившимся к этому периоду до Фукидида.

в Аргосе, так как жрица Хрисиды поставила зажженный светильник слишком близко к венкам, украшавшим святилище, и затем заснула: пожар вспыхнул незаметно, и весь храм стал добычей пламени. В страхе перед аргосцами Хрисиды еще той же ночью бежала во Флиунт. Аргосцы же по установленному обычаю выбрали новую жрицу по имени Фаинида. До своего бегства Хрисиды была жрицей в течение восьми с половиной лет войны» (Thuc. IV. 133. 2–3; пер. Г.А. Стратановского). Похоже, что и здесь тоже перед нами информация, почерпнутая из Гелланика.

Итак, крупный масштаб личности и деятельности этого историка – вне каких-либо сомнений. А в то же время он относится к авторам, которыми нередко пренебрегают в антиковедческой литературе. Во всяком случае, о нем написано гораздо меньше, чем он заслуживает. В частности, нет ни одного монографического исследования¹⁴ и приходится довольствоваться статьями, которых тоже не так-то много. В гигантском списке литературы к «Ранней греческой мифографии» Р. Фаулера мы насчитали менее двух десятков таковых¹⁵. Разумеется, этот список не исчерпывающий, в нем сделан акцент на недавние и относительно недавние работы. Например, у Л. Пирсона¹⁶ указано некоторое количество более старых. В любом случае, по сути, самыми пространственными текстами о Гелланике во всем мировом антиковедении и поныне остаются два весьма давних материала – энциклопедическая статья Ф. Якоби и глава в только что упомянутой книге Пирсона «Ранние ионийские историки»¹⁷. Подобная ситуация представляется прискорбной и приводит к тому, что подлинное значение творчества Гелланика еще не осознано в полной мере, к тому же с ним по-прежнему связано немало серьезных проблем.

Впрочем, следует сказать, что мало внимания уделяется в науке не только Гелланику, но и в целом древнейшим, догеродотовским историкам (имеем в виду в основном тех, которые фигурируют в знаменитом перечне Дионисия Галикарнасского: *De Thuc.* 5). Да и данные источников обо всех них (кроме, может быть, Гекатея) чрезвычайно скудны. Поэтому значительные трудности возникают при попытке реконструкции биографии практически любого из них¹⁸. Особенно это касается хронологического аспекта данной проблематики.

Для многих из них (таких как Деиох, Евдем, Демокл и др.) даже само время жизни и деятельности поддается не более точной датировке, чем «VI–V вв. до н.э.». О некоторых удастся сказать что-то несколько более конкретное, да и то лишь с точностью до полувека: например, приурочить творчество Харона Лампсакского

¹⁴ В паре небольших книг (Schreiner 1997; Sammartano 1998) Гелланик фигурирует в заголовках, но они не посвящены специально ему.

¹⁵ Из них наиболее интересными нам представляются (помимо упоминавшихся в предыдущих примечаниях), пожалуй: Fornara 1968; Mosshammer 1973; Asheri 1981; Lenardon 1981; Joyce 1999; Ruschenbusch 2003; Thomas 2007.

¹⁶ Pearson, 1975, 233–235.

¹⁷ Jacoby 1912; Pearson 1975, 152–235 (книга впервые издана в 1939 г.).

¹⁸ Да что там говорить об этих в общем-то малоизвестных фигурах, если даже биографии Геродота и Фукидида известны не так-то уж и хорошо, в них более чем достаточно белых пятен.

к первой половине V в. до н.э.¹⁹, а Дамаста Сигейского — ко второй половине того же столетия. Чуть лучше обстоит дело, скажем, с Ферекидом Афинским, относительно которого с большой вероятностью можно утверждать, что он завершил свой труд в 450-х годах до н.э. (т.е. речь идет о точности до десятилетия). И уж совсем уникален случай с Гекатеом, для которого мы имеем такой репер, как одно бесспорно датированное событие из его жизни — участие в совещании вождей Ионийского восстания при его начале в 500 г. до н.э.

Что можно сказать с учетом всего этого о Гелланике? С ним — ситуация особая. Биографических данных о нем больше, чем почти о любом другом представителе первых поколений историков (все релевантные свидетельства будут рассмотрены далее). Но в данных этих большое количество путаницы, противоречий, нестыковок; некоторые из приводимых о нем сведений производят впечатление совершенно невозможных, т.е. откровенно ошибочны. Возникает желание разобраться со всеми этими неувязками и попытаться реконструировать (насколько это вообще возможно!) жизненный и творческий путь интересующего нас автора.

Задача эта имеет не только частный характер, поскольку те или иные ее решения будут иметь импликации для понимания всего процесса развития греческого историописания в его «золотой век» — V в. до н.э.²⁰ Гелланик был современником как Геродота, так и Фукидида (в некоторых свидетельствах, как мы увидим, они так и появляются вместе — этаким «троицей»), но в каком хронологическом соотношении находятся его труды с их трудами? Иными словами, кто из них на кого мог повлиять (в плане позитивном, побудив подражать, или негативном, вызвав отторжение и заставив искать иные пути), а кто чьему влиянию подвергнуться?

Уже априори ясно, что осложняющим фактором при рассмотрении всех таких вопросов станет весьма длительная карьера Гелланика как писателя. Его многочисленные труды создавались на протяжении многих десятилетий, и он, разумеется, не мог не эволюционировать как ученый. Кстати, по итогам анализа, возможно, удастся высказать и некоторые соображения о характере этой эволюции.

В тех самых компаративных целях вкратце напомним общеизвестные факты о времени творчества Геродота и Фукидида. Первый, согласно почти общепринятому мнению, завершил свой труд (точнее, оставил его незавершенным) около 425 г. до н.э.²¹ Когда он начал свою работу над ним, теперь, конечно, уже никто не скажет. Но во всяком случае какие-то части геродотовской истории были

¹⁹ О. Ленгле, правда, переносит Харона во вторую половину V в. до н.э., делая его младшим современником Геродота (Lendle 1992, 71–73). Но поступать так, на наш взгляд, неправильно: есть ряд прямых свидетельств источников, указывающих на то, что Харон писал раньше, чем Геродот (Dion. Hal. *Epist. ad Pomp.* 3. 7; Plut. *Mor.* 859ab; Tertull. *De an.* 46). Тот же Ленгле (и опять же, как нам представляется, неоправданно), напротив, удревняет Ксанфа Лидийского, считая его автором первой половины V в. до н.э. (Lendle 1992, 25–28). Традиционно Ксанф считается практически полным современником Геродота (см. их сравнение в Mehl 2004), т.е. историком середины — второй половины V в. до н.э.

²⁰ Ср. Pearson 1975, 154.

²¹ «Еретическая» точка зрения Ч. Форнары, согласно которой «отец истории» еще работал в 410-е годы до н.э. (Fornara 1971), практически не нашла приверженцев.

уже написаны к середине 440-х годов до н.э.: этим временем обычно датируются публичные чтения автора в Афинах²². Что же касается Фукидида, он, по его собственному признанию, начал работу над трактатом о Пелопоннесской войне сразу после ее начала. А прекращение этой работы ввиду смерти историка относят к самым первым годам IV в. до н.э., причем она тоже не была доведена до конца (что и породило вскоре же плеяду «продолжателей Фукидида»²³).

Прежде чем перейти к рассмотрению биографических свидетельств о Гелланике, оговорим, что самая надежная связанная с ним датировка почерпывается не из этих свидетельств, а из двух фрагментов самого этого писателя, из его сочинения «Аттида». С них поэтому и начнем.

Hellan. *FGrHist.* 4. F171 = *Schol. Aristoph. Ran.* 694: «Гелланик, излагая события при [архонте-эпониме] Антигене, который был перед Каллием, говорит, что рабы, принявшие участие в морском сражении, были освобождены и специальным постановлением получили права гражданства, подобно платейцам».

Hellan. *FGrHist.* 4. F172 = *Schol. Aristoph. Ran.* 720: «В предыдущем году (перед постановкой аристофановских «Лягушек». — *И. С.*), при Антигене, была, как говорит Гелланик, отчеканена золотая монета. И Филохор подобным образом сообщает о монете из золотых Ник».

Антиген был архонтом в 407/406 г. до н.э.²⁴ Оба упоминаемых в данных фрагментах события хорошо известны. Речь идет об освобождении рабов, которых привлекли к участию в битве при Аргинусских островах, и об экстраординарной акции в афинской монетной политике — выпуске в условиях жестокого финансового кризиса золотой монеты, для чего были переплавлены статуи богини Ники с акрополя. Сами эти события нас здесь не интересуют; принципиально только то, что в обозначенном здесь архонтском году Гелланик был еще жив и работал над «Аттидой». Таким образом, у нас есть важный *terminus post quem* как для кончины историка, так и для завершения «Аттиды» — одного из самых важных его сочинений, созданием которого он положил начало аттидографическому жанру, в рамках которого позже, в IV—III вв. до н.э., работал целый ряд авторов, коренных афинян (а основоположником жанра стал, как видим, пришлец). Он же выработал принцип, которому в дальнейшем следовали все аттидографы: начинать

²² Ныне, правда, все более влиятельной становится точка зрения на Геродота как на «устного историка» (она детально аргументируется, например, в работе: Thomas 2000). Устного — не в том смысле, что он ориентировался преимущественно на устную традицию, а не на письменные источники (это и ранее признавалось; см. цифры по соотношению между ссылками Геродота на устные и письменные источники: Valcer 1987, 26), а в том, что сама «История» на протяжении длительного времени бытовала в устной форме, а не в виде текста. Согласно подобному представлению о Геродоте, он со своими публичными чтениями по греческому миру оказывается весьма сходен с каким-нибудь аэдом (тем паче, что его давно уже называют «эпическим историком»). Предполагается, что он всякий раз импровизировал и т.п. Допускаем, что какая-то доля истины в подобной концепции имеется, но, полагаем, все-таки не стоит доводить ее до *pes plus ultra*. В конце концов, имеем же мы труд Геродота как письменный памятник.

²³ Nicolai 2006.

²⁴ Develin 2003, 174.

изложение истории Аттики и Афин с древнейшей, легендарной эпохи и доводить его до самых последних по времени фактов.

А теперь перейдем к свидетельствам о жизни Гелланика. Самое пространное из них содержится в лексиконе «Суда». Притом оно, как мы увидим, полно всяческого сумбура.

Suda s. v. Ἑλλάνικος = Hellen. *FGrHist.* 4. T1: «Гелланик. Митиленинин, историк. Сын Андромена, а по мнению некоторых — Аристомена, а по мнению других — Скамона (он имел сына с таким же именем). Гелланик с Геродотом жил у Аминты, царя македонян (παρὰ Ἀμύντα τῷ Μακεδόνων βασιλεῖ), во времена Еврипида и Софокла²⁵; и он непосредственно следовал за Гекатеем Милетским, родившись²⁶ во время Персидских войн²⁷ или²⁸ немного раньше. А дожил он даже до времен Пердикки и скончался в Перперене, что напротив Лесбоса. Написал же он очень много сочинений, как в прозе, так и в стихах».

Собственно, «беспроблемный» участок текста заканчивается на слове «историк», а дальше начинаются сплошные трудности. Как видим, у лексикографа нет уверенности даже относительно имени отца Гелланика. Из предлагаемых тут вариантов несколько более вероятным, чем остальные, представляется нам Скамон. Хорошо известно, что у греков был широко распространен обычай называть внука в честь деда. Скамон — гипокористик от теофорного личного имени Скамандроним²⁹, что вполне подходит лесбосцу, так как отсылает к знаменитому троадскому гидрониму, а Трояда с архаической эпохи активно осваивалась Лесбосом и воспринималась им как сфера своих интересов. Между прочим, отца поэтессы Сапфо, тоже митиленинки, звали Скамандронимом, но в то же время его имя передается и как Камон (*Suda* s. v. Σαλφώ) — почти Скамон.

Между прочим, не можем не отметить, что существовал историк Скамон Митиленский, писавший в IV в. до н.э. Соблазн отождествить его с тем самым сыном Гелланика, который упомянут в «Суде», по понятным причинам настолько велик, что Ф. Якоби, например, от него не удержался³⁰. Нам это кажется не столь безусловно очевидным: коль скоро сам Гелланик появился на свет в начале V в. до н.э., его сын, чтобы работать в следующем столетии, должен был родиться у него в слишком уж пожилом возрасте. В одном, думается, сомневаться вряд ли

²⁵ Якоби допускает, что правильным чтением может быть «а был он во времена Еврипида и Софокла», т.е. эта датировка относится к деятельности Гелланика в целом, а не к одному конкретному событию — его визиту в Македонию. Для этого он после βασιλεῖ гипотетически вставляет ἦν δὲ (впрочем, не в тексте, а в аппарате).

²⁶ Поправка Якоби (ὑγυονός вместо ὑγυονότι). Таким образом, в тексте — «родившимся». Но тогда это относилось бы не к Гелланику, а к Гекатею, что очевидным образом неверно: ко времени начала Греко-персидских войн Гекатей был уже зрелым мужем, авторитетным интеллектуалом. Впрочем, все эти соображения имеют смысл в том случае, если перфектная форма от ὑγυονοῖα здесь указывает на рождение, а с этим дело обстоит не так просто, как мы увидим далее в другой связи.

²⁷ «Персидские (Мидийские) войны» в узком смысле — поход Ксеркса на Грецию в 480—479 гг. до н.э. Гелланик в действительности родился несколько раньше (см. ниже).

²⁸ Поправка Якоби (ἦ); в тексте «и» (καὶ).

²⁹ Pape 1911, 1404.

³⁰ Jacoby 1927, 437.

уместно: в том, что Скамон был если и не сыном Гелланика, то, во всяком случае, его потомком, принадлежал к той же самой семье, в которой, выходит, «ремесло историка» было наследственным.

Далее следует очень примечательное место о визите Гелланика в Македонию, да еще в компании Геродота. Информация уникальная и потенциально весьма ценная, но ценность эта, увы, становится проблематичной ввиду новой путаницы. Что за «Аминта, царь македонян» здесь упомянут? Ни один из носителей этого имени, занимавших македонский престол, решительно не подходит.

Аминта I скончался в период между 498 и 495 г. до н.э. (более точной датировке это событие не поддается). При любой датировке рождения Гелланика ясно, что на момент смерти этого царя он или был маленьким ребенком, или вообще еще не родился (а Геродот не родился заведомо). Затем сменивший Аминту I его сын Александр I правил до 454 г. до н.э.³¹, далее Пердикка II в 454–413 гг. до н.э., Архелай в 413–399 гг. до н.э., Аэроп в 398–394 гг. до н.э. Весьма кратковременное правление Аминты II пришлось на 394 г. до н.э.; за ним последовало царствование Аминты III, более длительное (393–370 гг. до н.э.). Эти два носителя имени Аминта, естественно, тоже не подходят.

В результате рассматриваемое сообщение «Суды» в литературе, как правило, просто отбрасывается как совершенно недостоверное и имеющее нулевую ценность. Однако М. Василев пришел к довольно аргументированному выводу о том, что, во всяком случае, Геродот в Македонии точно бывал, причем произошло это не при Пердикке II, как часто считают³², а в последний период правления Александра I, приблизительно на хронологическом отрезке 463–454 гг. до н.э.³³

Как могло появиться в источнике неверное имя Аминты? В принципе проблема не является неразрешимой. Уже очень давно Г. Дильс³⁴ предложил просто-таки напрашивающуюся эмендацию, исходящую из того, что в этом месте выпало имя Александра и читать следует «у Александра, сына Аминты, царя македонян» — и все становится на свои места. Мы со своей стороны указали бы и еще на одну возможность. Среди многочисленных сыновей Александра I был и звавшийся Аминтой. Правда, он никогда не царствовал³⁵. Но почему бы не допустить, что именно он, будучи царевичем, пригласил в Македонию Гелланика и Геродота? В таком случае они, хоть и жили при дворе Александра, воспринимались (и воспринимали себя) как гости Аминты.

Полагаем, что информация, которую мы сейчас рассматриваем, имеет своим первоисточником замечание, почерпнутое из какого-либо сочинения Гелланика³⁶, в духе «когда мы с Геродотом гостили в Македонии у Аминты...». А кто-либо из

³¹ Даты правлений македонских царей даем по Hammond, Griffith 1979, 60–172; Sprawski 2010, 134–143; Roisman 2010, 146–158.

³² Например, Pearson 1975, 154.

³³ Vasilev 2016. Об отношениях между Геродотом и Александром I также см. Badian 1994.

³⁴ Diels 1876.

³⁵ О месте этого Аминты в родословном древе Аргеадов см. Roisman 2010, 158. Кстати, именно от него берет начало та династическая линия, которая в конечном счете выводит на Филиппа II и Александра III Великого.

³⁶ Ясно, что не Геродота: его «История» сохранилась полностью, и там таких замечаний мы не находим.

позднейших писателей, чьи данные и попали в «Суду», вполне мог понять это как «у царя Аминты», поскольку было известно, что Аминта — аргеадское царское имя. Так и родилась путаница относительно того, когда два историка посетили Македонию.

Подчеркиваем, именно два историка. Ибо если признавать достоверность данного сообщения применительно к Геродоту, то нужно делать это и применительно к Гелланику (сказав А, сказать и Б), отрыв их здесь друг от друга был бы логически некорректной процедурой. Геродот на вышеуказанном хронологическом отрезке был совсем еще молод и должен был еще только учиться пресловутому «ремеслу историка». Гелланик же, будучи старше (чуть ниже будут приведены свидетельства, недвусмысленно подтверждающие это), в таком случае как раз и выступал в роли учителя.

Геродот, как известно, был неумолимым путешественником. По оценке А. Момigliano³⁷, он в своей жизни странствовал больше, чем любой другой античный автор. Немало поездил по миру и Гекатей Милетский. А вот о Гелланике того же, похоже, сказать нельзя. Во всяком случае, таково мнение Ф. Якоби³⁸, который обращает внимание на следующий пассаж: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались. Ведь Гелланик Лесбосский, муж многосведущий во многих отношениях, просто дал повествование» (Agathem. I. 1). Якоби считает, что здесь Агафемером, географом римского времени, сознательно противопоставлены друг другу Гекатей как ἀνήρ πολυτλανής и Гелланик как ἀνήρ πολυίστωρ.

Иной сколько-нибудь определенной хронологической информации в статье «Суды» о Гелланике нет, все остальные формулировки в ней предельно расплывчаты. Такие, например, как «во времена Еврипида и Софокла»: это выглядит тривиальностью и ровным счетом ничего не дает для уточнения, скажем, даты рождения лесбосского историка. Тем более что, хотя Софокл и Еврипид являлись современниками, первый был на 16 лет старше второго. Как мы увидим ниже, если Геродот по времени рождения ближе к Еврипиду, то Гелланик — скорее ближе к Софоклу.

Указание «Суды» на то, что Гелланик дожил до времен Пердикки (т.е. Пердикки II), тоже совершенно неинформативно. К тому же он не только дожил до Пердикки, но и пережил Пердикку. Как мы видели выше, в 407/406 г. до н.э. он еще писал «Аттиду», а в Македонии тогда правил уже Архелай. Наконец, еще один биографический факт о Гелланике, приводимый в «Суде», — его смерть в местечке Перперена, в материковых владениях Лесбоса (в так называемой перее) — представляется действительно имевшим место. Во-первых, вряд ли кому-то могло понадобиться придумывать столь частную деталь. Во-вторых, приведем для сопоставления еще одно, в высшей степени курьезное, свидетельство.

Steph. Byz. s.v. Παρλαρών = Hellan. *FGrHist.* 4. T7: «Парпарон. Эолийское местечко в Азии; там, как рассказывают, скончался Фукидид (sic! — И. С.). Так говорит Аполлодор во 2-й книге “Хроники”. А некоторые называют его

³⁷ Momigliano 1990, 51.

³⁸ Jacoby 1912, 106.

Перпериной³⁹». Ясно, что Парпарон, Перперина, Перперена — это варианты написания одного и того же топонима. Иными словами, речь в действительности должна вестись о Гелланике. Но вместо него парадоксальным образом назван Фукидид, да еще со ссылкой на такого авторитетнейшего ученого, как Аполлодор Афинский⁴⁰. Не думаем, что Аполлодор мог допустить столь чудовищную погрешность. Очевидно, появление здесь «Фукидида» — всецело на совести если не самого Стефана Византийского, то кого-либо из авторов-посредников. А важно здесь то, что выдающиеся историки V в. до н.э. могли, как видим, в последующей традиции смешиваться друг с другом какими-то обстоятельствами своей жизни.

Приведем теперь свидетельство, которое хотя и имеет достаточно общий характер, но проливает свет на хронологическое соотношение деятельности Гелланика и Геродота. Принадлежит оно Дионисию Галикарнасскому, который ранними историками занимался специально и писал о них с большим знанием дела.

Dion. Hal. *Epist. ad Pomp.* 3. 7 = Hellan. *FGrHist.* 4. T12: «Действительно, Геродот поступил не так⁴¹ — его не отвратило то, что *бывшие до него прозаики Гелланик и Харон*⁴² (курсив наш. — И. С.) уже издали сочинения на ту же тему; напротив, он верил, что сам произведет нечто лучшее, — и он это сделал».

Здесь однозначно констатируется хронологический приоритет Гелланика (и Харона Лампсакского, который в данной статье для нас пока иррелевантен) перед Геродотом. Из этого в дальнейшем и будем исходить. Ф. Якоби почему-то считал, что Гелланик издал свои первые труды только в 440-х годах до н.э. Не можем согласиться со столь поздней датировкой, которая означала бы, что он стал историком в довольно пожилом возрасте. Это ни из чего не проистекает, и никаких доводов в пользу подобной точки зрения отыскать не удастся. Напротив, ранние сочинения Гелланика, по содержанию чисто мифографо-генеалогические, написаны в такой манере, какая была популярна у историков конца VI — первой половины V в. до н.э. (Акусилай, Гекатей, Ферекид Афинский), а к 440-м годам до н.э. уже вышла из моды. Теперь на очереди свидетельство (содержащееся у Авла Геллия), которое является воистину ключевым для всей проблематики, связанной со временем рождения интересующего нас автора.

Gell. XV. 23 = Hellan. *FGrHist.* 4. T3: «Гелланик, Геродот, Фукидид, авторы исторических сочинений, пользовались огромной славой примерно в одни и те же времена и относились к не слишком отдаленным друг от друга поколениям. Ведь, кажется, Гелланику в начале Пелопоннесской войны было шестьдесят пять лет от роду, Геродоту — пятьдесят три, Фукидиду — сорок. Это написано у Памфила в одиннадцатой книге».

Хотя ссылка здесь дана на Памфила, писательницу I в.н.э., но, согласно *communis opinio*⁴³, приведенные Геллием датировки восходят в конечном счете

³⁹ «Перпериной» или «Перпереной» — поправки издателей из неверного рукописного «Периной».

⁴⁰ О нем долгое время основополагающим оставался старый труд: Jacoby 1902. Теперь также см. Bravo 2009.

⁴¹ Не стал принижать деяний древности в отличие от Фукидида.

⁴² Поправка издателей из рукописного «Херон».

⁴³ Например, Jacoby 1912, 107; Pearson 1975, 154; Fowler 2013, 682 (ссылаемся в чисто иллюстративных целях, не иначе — и в других работах о Гелланике).

не к кому иному, как к Аполлодору Афинскому. Таким образом, на чашу весов ложится весь колоссальный авторитет этого блистательного специалиста именно в области хронологии.

Отсчитывая от 431 г. до н.э. как года начала Пелопоннесской войны, получаем, что Гелланик родился в 496 г. до н.э., Геродот — в 484 г. до н.э., Фукидид — в 471 г. до н.э. Геродотовская дата признается совершенно правильной⁴⁴, а вот относительно фукидидовской есть сомнения: чаще полагают, что он был несколько моложе, появившись на свет около 456–455 гг. до н.э. Исходят при этом из времени его злополучной стратегии, поведшей к изгнанию будущего историка, причем подразумевается, что это была его первая стратегия; стратегом же разрешалось быть с 30 лет, и молодые амбициозные политики знатного происхождения (к каковым Фукидид, безусловно, принадлежал) по большей части сразу же использовали эту возможность, достигнув 30-летнего возраста. Но ведь мы, строго говоря, не знаем доподлинно, не занимал ли Фукидид пост стратега уже и ранее: ведь в нашем распоряжении, естественно, нет полных списков афинской коллегии стратегов за все годы⁴⁵.

Существует, правда, еще известный рассказ о том, как Фукидид подростком присутствовал на одном из публичных чтений Геродота и прослезился (*Marcellin. Vita Thuc.* 54; *Suda* s.v. Θουκυδίδης). Его чаще признают анекдотическим, но в нем, на наш взгляд, нет чего-либо невероятного или недостоверного. Однако совершенно не обязательно приурочивать этот эпизод (как обычно делают те, кто считают его аутентичным) к тому визиту Геродота в Афины, который имел место в середине 440-х годов до н.э. Нам и ранее доводилось писать⁴⁶, что это посещение историком «города Паллады», вопреки распространенному мнению, было отнюдь не первым.

Но здесь нас все-таки интересует не Фукидид, а Гелланик. И, как видим, в данном важном свидетельстве со всей возможной четкостью обозначено, что Гелланик был старше Геродота. Это согласуется и с приводившимися выше пассажами: у Дионисия Галикарнасского прямо сказано, что Гелланик, во всяком случае, начал писать до Геродота, а в «Суде» указано, что он непосредственно следовал за Гекатеем Милетским (а за ним самим, стало быть, — Геродот).

Похоже, что близкой датировки рождения Гелланика придерживался и Евсевий Кесарийский. Правда, в его «Хронике», в латиноязычной версии Иеронима, значится иначе. Там под первым годом 70-й олимпиады (500/499 г. до н.э.) стоит следующая запись: «Историограф Гелланик, философ Демокрит, Гераклит... и физик Анаксагор получают известность (*clari habentur*)» (*Euseb. Chron. Ol.* 70, 1 = *Hellan. FGrHist.* 4. T4a). Относительно «получают известность» — налицо в любом случае грубая хронологическая ошибка. Гелланик никак не мог сделаться известным так рано, коль скоро он еще работал в 406 г. до н.э. Первое приходящее

⁴⁴ См. хотя бы Muges 1953, 1.

⁴⁵ Каждый может в этом убедиться, заглянув хотя бы в известный просопографический справочник афинских магистратов Р. Девелина (*Develin* 2003, 117–187 — период с 431 г. до н.э.).

⁴⁶ Например, *Surikov* 2009, 152–177; 2011, 362–395.

на ум подозрение заключается в том, что он в данном случае спутан с Гекатеем, к которому подобная датировка может относиться в полной мере. Впрочем, в свидетельствах поздних хронографистов вообще немало путаницы, как можно видеть и из данного пассажа. Если датировку Гераклита можно признать в целом корректной, то Анаксагор и Демокрит относятся к гораздо более позднему времени. Анаксагор как раз родился, согласно традиции, в 500 г. до н.э. (Diog. Laert. II. 7 — со ссылкой, подчеркнем, на того же Аполлодора).

А не обстоит ли дело так же и с Геллаником? На наш взгляд, Р. Фаулер прав⁴⁷, считая, что, видимо, в греческом прототипе Евсевия стояло γέγονε, а Иероним, переводя, неверно это понял. Сложность с совершенными формами от γύνομαι (как γέγονός, γέγονε) состоит в том, что они могли относиться и ко времени рождения персонажа, и ко времени какого-нибудь «главного» события в его жизни⁴⁸. Судя по всему, Евсевий имел в виду первый смысл, а Иероним посчитал, что речь идет о втором (акме, floruit).

Если данная гипотеза верна, то Евсевий датировал рождение Гелланика почти так же, как Аполлодор. Разница всего в одну олимпиаду, и если уж отдавать предпочтение какой-либо из этих двух дат, то таковой должна быть аполлодоровская — как принадлежащая автору и более авторитетному и гораздо более близкому по времени к событию, о котором идет речь. Одним словом, мы решительно склоняемся к тому, что Гелланик появился на свет в 496 г. до н.э. Чаще, однако, считают, что он был несколько моложе и являлся практически ровесником Геродота, руководствуясь при этом соображениями, которые будут перечислены далее.

Во-первых, аполлодоровскую датировку иногда пытаются оспорить на том основании, что имя Гелланик отсылает к «победе эллинов» и поэтому не могло быть дано ранее 480—479 гг. до н.э. (тогда Гелланик оказывается даже моложе Геродота, что и вовсе несообразно ввиду рассмотренных выше свидетельств). Этот довод достаточно подробно рассмотрел Р. Фаулер⁴⁹, справедливо признавший его крайне слабым: и имя ребенку могли дать авансом (496 г. до н.э. — это, между прочим, время Ионийского восстания, в котором на первом этапе действительно имели место победы эллинов), да и этимология его не столь однозначна, возможны различные варианты понимания композита Ἑλλάνικος, вплоть даже до такого, как «победа над эллинами». Во всяком случае, такой шаткий и косвенный аргумент «от ономастики» лучше не противопоставлять прямым данным источников.

Во-вторых, среди самих этих данных есть такие, которые вступают в противоречие с датой Аполлодора. Их тоже, разумеется, следует рассмотреть. Вот фраза из анонимной позднеантичной биографии Еврипида: «Родился (γεννηθῆναι) он (Еврипид. — И. С.) в тот же день, что и Гелланик, — в день, в который эллины победили в морской битве при Саламине» (Anonym. *Vita Euripid.* p. 2, 5 Schwartz = Hellan. *FGrHist.* 4. T6).

Предание о том, что этот драматург родился в самый день Саламинского сражения 480 г. до н.э., было в античности весьма распространенным, а вот

⁴⁷ Fowler 2013, 682.

⁴⁸ См. к вопросу Rohde 1901, 114—184 (переиздание статьи 1879 г.).

⁴⁹ Fowler 2013, 682—683.

синхронизация дня его рождения с днем рождения Гелланика не выглядит заслуживающей доверия. Помимо всего прочего потому, что если ее принять, Гелланик опять-таки оказывается моложе Геродота, что противоречит основной ветви традиции. В конце концов, перед нами поздний автор (к тому же неизвестный), а у поздних авторов хронологические неувязки, вообще говоря, встречаются в изобилии. И если касательно свидетельства Евсевия мы допустили как один из вариантов, что в нем Гелланик мог быть спутан с Гекатеем, то здесь он, вполне возможно, спутан, напротив, с Геродотом. Дату рождения последнего относили не только к 484 г. до н.э., но, случалось, и к 480 г. до н.э. Тогда перед нами еще один пример смешивания друг с другом крупных историков первых поколений (выше мы видели, что у Стефана Византийского Гелланик спутан даже с Фукидидом).

Мы допускаем, что истоком появившейся здесь ошибки могла быть опять же проблема с γέγονε — но в противоположном смысле, нежели у Иеронима. Например, биограф встретил где-нибудь упоминание о том, что Гелланик был современником Еврипида⁵⁰, — наподобие того, которое нам попадалось в «Суде», но с конструкцией γέγονε κατὰ κτλ., — и понял это как указание на то, что историк и драматург родились в одно и то же время.

Наконец, еще одно свидетельство, противоречащее аполлодоровской датировке, содержится в трактате «Долгожители», сохранившемся в корпусе сочинений Лукиана, но ему не принадлежащем. В нем говорится о лицах, достигших преклонного возраста и о том, кто из них сколько лет прожил. В этом контексте, в частности, читаем: «А из прозаиков⁵¹... Гелланик Лесбосский — восемьдесят пять. И Ферекид Сиросский — подобным же образом восемьдесят пять» (Ps.-Lucian. *Macrob.* 22 = *Hellan. FGrHist.* 4. T8).

Если отсчитать 85 лет от 496 г. до н.э., то выйдет, что Гелланик скончался в 411 г. до н.э. Однако же в действительности, как отмечалось выше, в 407/406 г. до н.э. он еще жил и писал. Либо дату его рождения нужно сместить к 491 г. до н.э. или еще дальше, либо неверна цифра 85 лет, а должно быть, скажем, 90. Последнее представляется нам более вероятным: ведь почти все такого рода указания возрастов, встречающиеся в античной литературе, в известной мере гадательны, выведены на основе чисто спекулятивных умозаключений.

Так и Ф. Якоби замечает⁵², что 85 лет — это едва ли не самый любимый возраст у авторов сочинений о долгожителях, поэтому данной цифре у Псевдо-Лукиана применительно к Гелланику не нужно придавать какого-то принципиального значения. Мы, со своей стороны, предложили бы еще и следующий ход мысли: возможно, Гелланик в каком-то из своих произведений упомянул о себе как о достигшем 85-летнего возраста, и из этого в дальнейшем был сделан ложный вывод, будто именно до такого возраста он и дожил, в то время как на самом деле он жил

⁵⁰ Еврипид впервые выступил на театре в 456 г. до н.э., впервые одержал победу в 441 г. до н.э. Гелланик в то время, несомненно, уже писал свои сочинения. Так что они — современники в самом строгом смысле слова, что, однако, еще не делает их ровесниками.

⁵¹ Συγγραφέων можно перевести и «из историков», но упоминаемый здесь Ферекид Сиросский историком не был, поэтому выбираем более общий термин.

⁵² Jacoby 1912, 107.

и дальше. Может быть, и дольше 90 лет; ибо, строго говоря, мы не знаем, когда он умер (ясно только, что после 407/406 г. до н.э.). Самое раннее сохранившееся упоминание о нем, как мы видели, принадлежит Фукидиду и было сделано на рубеже V–IV вв. до н.э., но из его формулировок, увы, невозможно понять, идет ли речь о живом или уже покойном писателе⁵³.

Наверное, имеет смысл еще отметить, что в статье лексикона «Суда» об историке Дамасте Сигейском сказано: «Дамаст... А был он учеником Гелланика» (*Suda s.v. Δαμάστης* = *Hellan. FGrHist.* 4. T9). Чем может помочь констатация того факта, что Дамаст учился у Гелланика и, стало быть, был моложе его? В той же статье о Дамасте читаем: «Сигеянин... живший ранее Пелопоннесских войн, современник Геродота (σὺγχρονὸς Ἡρόδοτου)». Если ученик принадлежал к тому же поколению, что Геродот, то учитель, Гелланик, должен быть старше.

Ф. Якоби⁵⁴ перечисляет основные выдвигавшиеся в литературе датировки рождения и смерти Гелланика; с тех пор каких-либо принципиально новых не появилось, так что этот список вполне можно и ныне считать репрезентативным. Среди предлагавшихся вариантов – 482–397 гг. до н.э., 480/479–396/395 гг. до н.э. Эти варианты выводятся из 85-летнего возраста историка, указанного Псевдо-Лукианом, и указание это в такой степени становится предметом слепой веры, что заставляет пренебречь и аполлодорской датой его рождения, и прямыми указаниями источников на хронологический приоритет Гелланика перед Геродотом.

Своеобразная версия у Г. Дильса: 496/495–412/411 гг. до н.э. Этот ученый, таким образом, попытался примирить дату Аполлодора с возрастом у Псевдо-Лукиана. Но в результате получилась новая неувязка: как же Гелланик мог писать о событиях 407/406 г. до н.э., если он уже скончался к тому времени? И Дильс был вынужден постулировать наличие другого автора по имени Гелланик (более позднего, чем герой нашей статьи), которому-де и принадлежат фрагменты о чеканке золотой монеты и об освобожденных рабах.

Трудно приветствовать подобное умножение сущностей без острой необходимости. Гораздо более конструктивным представляется не держаться за буквалистское толкование сообщения Псевдо-Лукиана и исходить из того, что Гелланик прожил не 85, а *не менее* 85 лет. Мы предлагаем считать, что жизнь его должна быть датирована так: 497/496⁵⁵ – после 407/406 г. до н.э. Таким образом, она продолжалась минимум 90 лет, что, повторим, вполне согласуется с огромным объемом оставленного им наследия.

Возможны ли какие-нибудь хронологические суждения о сочинениях, составляющих это наследие, – если не обо всех, то хотя бы о некоторых из них? Здесь перед нами вопрос не менее интересный и не менее сложный, чем с годами жизни. И, видимо, даже более важный. Историография в V в. до н.э. претерпела

⁵³ Jacoby 1912, 111.

⁵⁴ Jacoby 1912, 108.

⁵⁵ Именно так, а не 496/495 г. до н.э. У Геллия сказано, что Гелланику было 65 лет в начале Пелопоннесской войны. Война началась весной – иными словами, в 432/431 г. до н.э.

определенную эволюцию, и ей не могла не соответствовать личная эволюция того представителя этой историографии, которому довелось увидеть почти все названное столетие.

До некоторого момента абсолютно преобладающей и едва ли не единственной тематикой для историков оставалась генеалогическая мифография. В этом русле были написаны исторические труды Акусилая, Гекатея, Ферекида Афинского. В этот период и Гелланик работал как обычный мифограф, мало чем выделяясь среди авторов этой плеяды, — разве что сугубой плодовитостью. Впрочем, есть и еще одно отличие. Акусилай (именно его с наибольшим основанием следует называть самым древним представителем греческого историописания) изложил в одном большом сочинении мифы Эллады в целом, причем изложил их в основном локальными циклами (аргосско-микенский цикл, фиванский цикл и пр.). Такая же картина наличествует и в историко-мифографических трактатах Гекатея, Ферекида. А у Гелланика — целая серия меньших по объему сочинений, посвященных различным регионам и периодам. Это была, видимо, общая тенденция определенного периода: она прослеживается также у Харона Лампсакского, Дамаста Сигейского.

Итак, мы считаем, что из трех групп произведений Гелланика (мифографическая, хорографическая, хронологическая) названная первой была и по времени самой ранней. Сохранившиеся фрагменты из этих трудов удивительно напоминают аналогичные пассажи прочих тогдашних мастеров жанра мифографии. Приведем один — в чисто иллюстративных целях, как типичный образчик этого жанра: «Парфенопей... По словам Антимаха, он — сын Талая, сына Бианта, сына Амифаона, сына Кретея, сына Эола, сына Эллина, сына Зевса; а мать его — Лисиша, дочь Керкиона, сына Посейдона. Гелланик же пишет, что он — сын Меланиона, сына Амфидаманта, сына Эпоха, сына Аргепа⁵⁶, сына Кефея, сына Посейдона; а мать его — Аталанта, дочь Иаса» (Hellen. *FGrHist.* 4. F99 = *Schol. Eur. Phoen.* 150). Сухая, без прикрас, цепочка-родословная. Такие в изобилии найдем и у Акусилая, и у Гекатея, и у Ферекида, они ровно ничем не различаются. Если бы здесь не стояло конкретно имя Гелланика, не было бы никакой возможности установить, что фрагмент принадлежит именно ему, а не какому-нибудь другому из мифографов.

Затем происходит определенный поворот — от мифографии к хорографии. Здесь следует указать на роль Харона Лампсакского, которую ныне трудно в полной мере оценить, но, судя по всему, она была значительной, может быть, даже определяющей⁵⁷. Вот перечень его сочинений, как он приведен в «Суде» (*Suda s.v. Χάρων* = Char. *FGrHist.* 262. T1): «Историк; написал сочинения “Эфиопские дела”, “Персидские дела” в 2 книгах, “Эллинские дела” в 4 книгах, “О Лампсаксе” в 2 книгах⁵⁸, “Ливийские дела”, “Летописи лампсакийцев” в 4 книгах, “Пританы, или архонты⁵⁹, лакедемонян” (оно посвящено хронологии), “Основания городов”

⁵⁶ Имя испорчено, восстановлению не поддается.

⁵⁷ О Хароне см. Fowler 2013, 641–643, со ссылками на предшествующую (крайне скудную) литературу.

⁵⁸ Якоби считает, что этот труд тождествен «Летописям лампсакийцев».

⁵⁹ Слова «или архонты» Якоби предлагает убрать, так как, по его мнению, это не часть названия труда, а пояснение автора словаря.

в 2 книгах⁶⁰, “Критские дела” в 4 книгах (в нем он говорит и о законах, установленных Миносом), “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”⁶¹».

Что в данном перечне бросается в глаза (особенно если сравнивать его с тем, который выше приводился для Гелланика)? Полное отсутствие мифографических трудов. В основном названные здесь трактаты являются хорографическими; в каких-то из них, похоже, поднимались также вопросы хронологии («Пританы лакедемонян» и, предполагаем, «Летописи лампсакийцев», если это отдельный труд, не совпадающий с произведением «О Лампсаке», а нам все-таки не кажется, что они совпадают: количество книг указано разное). Особняком стоит сочинение «Основания городов». Это – характерный жанр «оснований» (κτίσεις), а вот включали ли подобные тексты в себя мифы? Иными словами, шла ли в них речь только об основании элинами городов в период Великой греческой колонизации или также об основании более ранних, древних городов (например, городов Ионии сыновьями Кодра)? В последнем случае мифологический материал просто не мог не привлекаться.

Но применительно к трактату Харона вопрос, похоже, не может быть решен, поскольку не сохранилось ни одного фрагмента, который приводился бы с конкретной ссылкой на него. Предполагают, что именно из этого труда происходит следующий фрагмент (Char. *FGrHist.* 262. F6 = Phot. *Lex.* s.v. Ὀστακός): «Остак. Некоторые же говорят “астак”. Вид рака⁶². И город Астак⁶³ ионийцы называют Остаком. И Харон пишет: “Остак был основан халкедонянами”⁶⁴». Тут перед нами событие, относящееся, безусловно, к исторической, а не легендарной эпохе. Мы допускаем, что из этого же сочинения (а не из «Летописей лампсакийцев», как полагал Якоби) может происходить один из самых важных и пространственных фрагментов Харона – подробно изложенная этиологическая легенда об основании Лампсака (Char. *FGrHist.* 262 F7 = Plut. *Mor.* 255a–e). В ней тоже речь идет о вполне реальном событии, которое имело место в середине VII в. до н.э.

Итак, Харон уже отнюдь не был мифографом «старого стиля». А на какое время приходится его творчество? Соответствующая часть статьи о нем в «Суде» полна несообразностей: «Харон, лампсакиец, сын Пифокла⁶⁵, родившийся⁶⁶ при пер-

⁶⁰ Таким образом, Харон, помимо прочих своих заслуг, является одним из первых представителей столь популярного у греков жанра κτίσεις – рассказов (часто легендарного характера) о том, как основывались города (по большей части колонии).

⁶¹ Название этого труда не раз озадачивало исследователей, вплоть до того, что отрицались его аутентичность или даже само существование (кстати, ни одного фрагмента от него не дошло). Что мог грек эпохи Харона рассказать о «местах, что за Геракловыми столпами»?

⁶² Обычно считается, что речь идет об омаре. Впрочем, можно понять и как «вид легкого судна».

⁶³ Греческая колония в Пропонтиде.

⁶⁴ Согласно более распространенной традиции, Астак был основан непосредственно Мегарами – метрополией также и Калхедона (Халкедона).

⁶⁵ Но Павсаний, автор более ранний, называет отца Харона Пифеем (X. 38. 11).

⁶⁶ Или «живший» (причастие γενόμενος здесь можно понять как в том, так и в другом смысле).

вом Дарии, в 79-ю олимпиаду; а скорее, он был во времена Персидских войн, в 75-ю олимпиаду».

Здесь налицо явная хронологическая путаница. Правление Дария I в Персии датируется 522–486 гг. до н.э. 79-я олимпиада – 464/463–461/460 гг. до н.э.; 75-я олимпиада – 480/479–477/476 гг. до н.э. На эту последнюю действительно пришлось Персидские войны в узком смысле (поход Ксеркса), а вот между правлением Дария и 79-й олимпиадой – ровно никакой корреляции. Возможно, понимать пассаж следует в том смысле, что Харон родился при Дарии I (а родился он, подчеркнем, как персидский подданный: в то время Лампсак контролировался Ахеменидами), известности же достиг в 79-ю олимпиаду.

Во всяком случае, ряд свидетельств (ссылки на них приведены выше, в прим. 21) прямо указывает на то, что Харон работал раньше Геродота, как и Гелланик (в одном свидетельстве их имена даже стоят рядом именно в этом контексте – как *предшественников* галикарнасца). Гелланик не порвал с мифографией столь же радикально, как Харон, но для него она уже не была единственным предметом изыскааний (как, скажем, для Ферекида Афинского). Как нам представляется, с какого-то момента он переключился с мифографических исследований на хорографические. Произошло это с наибольшей вероятностью в 450-е годы до н.э., а вызвано это было (по крайней мере отчасти) тем, что как раз тогда⁶⁷ был завершен и опубликован грандиозный труд Ферекида, превзошедший все, что ранее было сделано мифографами, и явивший собой фактически некую *summa scientiarum* в этой области. После Ферекида на ниве мифографии делать уже было особо и нечего, историкам приходилось искать новые темы для разработки. Одной из таковых, причем на какое-то время приоритетной, и стала хорография.

Хорошо известно, сколь много она значила в числе прочих и для Геродота. Его история просто-таки перенасыщена интереснейшим хорографическим материалом⁶⁸. Это в свое время породило к жизни знаменитую концепцию Ф. Якоби⁶⁹, согласно которой вначале Геродот писал логосы о разных странах, а уже затем задумал создать труд о Греко-персидских войнах и включил уже существовавшие логосы в него. Эта концепция ныне уже не разделяется практически никем, как когда-то, но остается одной из достаточно влиятельных.

С другой стороны, интерес к мифографии Геродоту в целом чужд. При всей широте его интересов от одного он подчеркнуто воздерживается: от того, чтобы уводить свое повествование в далекие мифические эпохи, во «времена героев». Не то чтобы он совсем не делает этого, но старается прибегать к подобному приему в настолько минимальном количестве случаев, насколько это только возможно.

Тут перед нами, конечно, результат общего поворота в греческом историописании, имевшего место в середине V в. до н.э. Но не было ли и конкретного влияния на галикарнасца со стороны Гелланика? Такое вполне можно было предположить. Оба историка, о чем говорилось выше, не только знали друг друга, но

⁶⁷ Surikov 2019, 120–121.

⁶⁸ По этому аспекту его творчества см. прежде всего Bichler 2001.

⁶⁹ Ее изложению и обоснованию практически целиком посвящена статья монографического объема Jacoby 1913.

и, похоже, были дружны. Они либо вместе прибыли к македонскому царскому двору, либо там познакомились.

Так, может быть, можно найти какую-либо корреляцию между их сочинениями, указывающую на влияние одного автора на другого? Давно уже отмечалось⁷⁰, что труд Гелланика «Египетские дела», судя по тому, что от него дошло, во многом напоминал египетский логос Геродота — вторую книгу его «Истории». Правда, это может еще ни о чем и не говорить (одинаковая тема не могла не приводить к появлению схожих черт), тем более что следов прямых заимствований вроде бы не обнаруживается (из чего иногда делается вывод⁷¹, что эти произведения писались одновременно и потому их авторы не могли ознакомиться с наработками друг друга).

Далее, есть весьма интересный фрагмент Гелланика о фракийском «чудотворце». Он пространен, поэтому мы приведем выдержки из него: «Замолксис. Скиф, бывший в рабстве у Пифагора (как пишет Геродот в четвертой книге), который, вернувшись на родину, учил, что душа бессмертна... Гелланик же в “Варварских обычаях” говорит, что Замолксис, будучи эллинского происхождения, научил таинствам гетов, что во Фракии; он-де говорил, что ни сам не умрет, ни его последователи, но получают все блага. Так-то говоря, он одновременно сооружал подземное жилище. Затем, внезапно скрывшись от фракийцев, он в нем пребывал. А геты тосковали по нему. На четвертый же год он вновь появляется; и фракийцы ему во всем поверили» (Hellen. *FGrHist.* 4. F73 = Phot. *Lex.* s.v. Ζάμολξις).

Что касается Геродота, то здесь Фотий здесь допускает ошибку: у того Салмоксис (так он фигурирует в «Истории») нигде не назван скифом. Однако, как видим, уже византийцы подметили, что в данном месте у Гелланика речь идет ровно о том же самом, что и в известном геродотовском пассаже (Hdt. IV. 95–96), который признается одним из самых ранних и ценных свидетельств о Пифагоре⁷². Вот тут-то уж налицо самое полное сходство, однако установить, кто кем пользовался — Геродот Геллаником или Гелланик Геродотом, — не представляется возможным⁷³. Но то, что имело место заимствование (а не независимое друг от друга появление двух текстов), для нас практически несомненно.

Не можем не отметить также, что в своих поздних работах Гелланик демонстрирует явное знакомство с «Историей» Геродота, даже полемизирует с ней (хотя не называя автора по имени, но это в общем-то норма по тем временам). Здесь мы коснемся другой концепции Ф. Якоби, которую он развил в монографии «Аттида», посвященной складыванию локальной афинской исторической (аттидографической) традиции. В ней он неоднократно совершает экскурсы в историю рода Алкмеонидов⁷⁴. Ключевым для немецкого ученого в данном случае является представление о параллельном существовании в афинской историографии двух направлений — «проалкмеонидовского» (представителем которого

⁷⁰ Например, Pearson 1975, 201.

⁷¹ Например, Lendle 1992, 64.

⁷² Zhmud' 2012, 41–42.

⁷³ Fowler 2013, 683.

⁷⁴ Jacoby 1949, 39–41, 158–160, 168, 186–189.

он считает Геродота) и «антиалкмеонидовского» (к нему принадлежал, в частности, и Гелланик как автор первой «Аттиды»).

Например, как считается, к Гелланику (через посредство Гермиппа Александрийского, автора III в. до н.э.) восходит рассказ Плутарха о мятеже Килона 636 г. до н.э.⁷⁵ — одно из самых подробных описаний этого события, имевшего к Алкмеонидам самое прямое отношение (*Plut. Sol.* 12). Давно уже замечено, что между основными свидетельствами о «Килоновой смуте» (Геродот, Фукидид, Аристотель в «Афинской политике», Плутарх) имеются расхождения в немаловажных деталях, что обличает полемику между авторами, борьбу традиций. Один из вариантов реконструкции этой борьбы (предложенный Й. Шрайнером) может иметь следующий вид.

Обвинение, предъявлявшееся Алкмеонидам в дни Геродота (в связи с известными нападками на Перикла в конце его политической карьеры), звучало так: они осквернены, поскольку в архонтат представителя этого рода Мегакла Килон и его сторонники были убиты магистратами у статуи Афины на Акрополе. Традиция, оправдывавшая Алкмеонидов, насколько она проявилась у Геродота (V. 71), вносит в эту картину ряд корректив: ответственность за жизнь мятежников взяли на себя некие «пританы навкраров», а не архонт Мегакл, кроме того, «килоновцы» покинули убежище, а значит — богиня не была осквернена.

Гелланик, выступавший с антиалкмеонидовских позиций, опровергает в «Аттиде» сведения о «пританах навкраров» и пытается доказать, что Килон был убит на священной земле Афины (указывая в качестве довода на его стацию, поставленную на Акрополе, очевидно, в знак искупления), а другие мятежники — тоже в святом месте, у алтарей Эвменид (где позже существовало святилище Килоний). Фукидид (I. 126), в свою очередь, спорит с Геллаником (а не с Геродотом, как часто считают). Согласно историку Пелопоннесской войны, сам Килон вообще бежал и спасся, в святилище Афины никто убит не был (лишь некоторые мятежники умерли там от голода, т.е. по собственной вине), а большинство «килоновцев» погибло на профанной территории.

Следующим вступает в дискуссию в первой половине IV в. до н.э. аттидограф Клидем, отрицая факт спасения Килона. Тогда в «Аттиде» Андروتтиона, позитивно настроенного по отношению к Алкмеонидам, возникает эпизод с нитью (который мы впоследствии находим у Плутарха и других поздних авторов⁷⁶), призванный косвенно оправдать Мегакла и хотя бы частично избавить его род от «скверны». Следующий аттидограф, Фанодем, вновь обвиняет Алкмеонидов. В такой-то обстановке появляется «Афинская политика» Аристотеля, автор которой в рассказе о событиях комбинирует проалкмеонидовскую и антиалкмеонидовскую версии при преобладании последней⁷⁷.

⁷⁵ Schreiner 1968, 23–27. В дальнейшем изложении в данной части статьи мы используем выкладки Ф. Якоби и Й. Шрайнера.

⁷⁶ «Они (заговорщики. — И. С.) привязали к статуе богини нитку и держались за нее. Но когда они, сходя с акрополя, поравнялись с храмом Почтенных богинь, нитка сама собой оборвалась. Мегакл и другие архонты бросились хватать заговорщиков под тем предлогом, что богиня отвергает их мольбу» (*Plut. Sol.* 12; пер. С.И. Соболевского).

⁷⁷ Об источниках «Афинской политики» для описания Килонова дела см. Rhodes 1981, 28; Stanton 1991, 23; Chambers 1993.

Разумеется, построения такого рода во многом гипотетичны. Всегда будут выглядеть спорными реконструкции воззрений аттидографов на мятеж Килона: дело в том, что их сообщения об этом событии, к великому сожалению, совершенно не сохранились (хотя в том, что они были, сомневаться не приходится). При определении позиций этих историков Шрайнер исходит из общих соображений, рассуждая примерно следующим образом: Андротион занимал умеренную политическую позицию, был сторонником клисфеновской демократии, а значит, должен был симпатизировать Алкмеонидам; Клидем являлся радикальным демократом и, соответственно, врагом Алкмеонидов, и т.п. По аналогичному пути ранее шел и Якоби. А ведь постулирование политических взглядов того или иного аттидографа само по себе еще нуждается в развернутой аргументации: скудные и разрозненные фрагменты, дошедшие от авторов сочинений по истории Аттики, допускают различную интерпретацию, а не менее скудные сведения об их личностях мало чем помогают⁷⁸.

Проалкмеонидовская тенденция Геродота ныне тоже далеко не так очевидна, какой она казалась в середине XX в. Впрочем, мы в данный момент уже не столь скептически, как два десятилетия назад⁷⁹, относимся к подобным гипотезам: опыт научил нас тому, что и они могут иметь право на существование. Кроме того, они полезны для понимания, бесспорно, имевшей место жесткой борьбы в афинском общественном мнении, выливавшейся в публицистику и историографию.

В любом случае, повторим, Гелланик в сочинениях последнего периода своего творчества уже совершенно точно использует «Историю» Геродота, что и вовсе не удивительно. Теперь мы как раз переходим к этим его поздним трудам. Таковыми являются те, в которых проявляется наибольший интерес автора к хронологии (третья тематическая группа из трех выделенных выше). Имеются факты, позволяющие ответственно утверждать, что они создавались историком на склоне лет.

Так, в «Жрицах Геры» есть упоминания о событиях 420-х годов до н.э. (например, *Hellan. FGrHist.* 4. F83), что и дает *terminus post quem* для их написания. Якоби предлагает дату 423 г. до н.э. Это представляется в целом верным. Впрочем, вполне допустимо и то, что Гелланик, опубликовав вначале, так сказать, первое издание «Жриц», впоследствии возвращался к трактату, занося туда с датировками новые события – жизнь-то продолжалась.

Далее, относительно «Аттиды» – труда одновременно хронологического и хронографического – решительно не приходится сомневаться, как мы видели, что он был создан очень поздно, не ранее 407/406 г. до н.э. Дж. Сمارт и О. Лендле предлагают считать⁸⁰, что «Аттида» была опубликована в 404 г. до н.э., вскоре после окончания Пелопоннесской войны, до которого она доводилась как до исключительно важного события в истории Греции в целом и Афин в частности.

⁷⁸ Ф. Хардинг, в последние десятилетия наиболее интенсивно в мировом антиковедении занимавшийся аттидографией, по сути всю свою книгу об Андротиионе (Harding 1994) посвящает полемике с Якоби и опровержению тезиса, согласно которому политическая тенденция этого греческого писателя (очень умеренные демократические взгляды) постоянно привносилась им в свой трактат.

⁷⁹ Surikov 2000, 100.

⁸⁰ Smart 1986, 23; Lendle 1992, 63–64.

Труднее всего в этой группе датировать «Карнеоников»: сохранившиеся из них фрагменты буквально единичны и мало что дают. Однако их, безусловно, надлежит ставить в тот же контекст, что и список олимпийцев, составленный софистом Гиппием Элидским. Гелланик повлиял на Гиппия или Гиппий на Гелланика – сказать трудно (логично, конечно, предположить, что список победителей на важнейших панэллинских играх появился раньше, чем аналогичный список для сугубо локального спартанского праздника, но такого рода логические соображения не могут иметь решающей силы); в любом случае перед нами последняя четверть V в. до н.э.

Таким образом, Гелланик принялся за хронологические штудии (по справедливому замечанию А. Мёллер⁸¹), будучи уже опытным историком, автором многочисленных трудов по генеалогической мифографии, работа над которыми сама по себе должна была выводить его на проблемы хронологии. Мифографы традиционно использовали генеалогическую хронологию⁸², в основе которой лежал счет поколений. Чем дальше, тем больше становилась очевидной неудовлетворительность этой системы для тех случаев, когда требовалась хотя бы минимальная четкость датировок. Ситуация усугублялась тем, что и продолжительность поколения как единицы измерения времени разными писателями принималась неодинаковая: то 30 лет, то 40, то 33 (что давало три поколения в веке), то 25 (что давало четыре поколения в веке). Все это хорошо известно.

У нас есть подозрение, что уже в некоторых своих мифографических трудах (видимо, в более поздних из них) Гелланик начал применять свое главное нововведение – использование эпонимной хронологии взамен традиционной генеалогической. Приведем в данной связи интересный фрагмент из сочинения «Троянские дела» (Hellan. *FGrHist.* 4. F152b = Tzetz. *Posthom.* 770–779):

Это двенадцатый день был месяца фаргелиона...
 Ночь в середине была, луна очень ярко светила...
 Жрицей была тогда Каллисто в преславных Афинах –
 В тот великий, несчастнейший год. В такую-то пору,
 В ночь такую-то, как говорят и лесбосец Гелланик,
 И Дурид вместе с ним, захватили Трою ахейцы.

Здесь перед нами стихотворная парафраза Цеца, но Гелланик писал, естественно, прозой. Главное – в другом: в данном случае Геллаником (вместе с ним Цецем упомянут Дурид Самосский, но это автор более поздний, так что приоритет, конечно, за лесбосцем) предпринята попытка датировать важное историческое событие (падение Трои), опираясь на имя жрицы. Тут она афинская, но точно так же наш автор поступал и потом, взяв за основу перечень уже аргосских жриц. Трактат «Троянские дела» – по содержанию отчасти мифографический, отчасти хорографический. Он, судя по всему, относится к периоду, когда научные интересы Гелланика смещались от мифографии к хорографии, а это происходило, по нашим расчетам, в 450-е годы до н.э. Тогда же вопросы хронологии поднимал в нескольких из своих сочинений и Харон Лампсакский (см. выше).

В настоящей статье мы стремились продемонстрировать, что попытка хронологической систематизации наследия Гелланика имеет смысл и может принести

⁸¹ Möller 2007, 255.

⁸² О которой см. Prakken 1943.

определенные плоды. В частности, выявилось, что эта хронологическая систематизация, в сущности, совпадает с систематизацией тематической, с пресловутым делением его трудов на три группы. Они создавались лесбосским историком в следующей последовательности: в начале карьеры — мифографические, затем — хорографические, в конце жизни — в основном хронологические.

Если предлагаемая нами схема имеет право на существование, она позволяет высказать некоторые выводы более общего порядка. Творчество должителя Гелланика претерпевало вполне четко наметившуюся эволюцию, и в эволюции этой, как в зеркале, отразился общий процесс развития греческого историописания в V в. до н.э.

Процесс, о котором идет речь, прошел три этапа, представленные, соответственно, тремя знаковыми фигурами: Ферекидом Афинским (по 450-е годы до н.э.), Геродотом (по 420-е годы до н.э.), Фукидидом (по рубеж V—IV вв. до н.э.). У первого наблюдаем внимание исключительно к мифографии⁸³ (что и позволило ему создать, видимо, лучший компендиум на эту тему); интерес к хорографии и вообще к современным или недавним реалиям отсутствует, тем паче интерес к хронологической точности.

С Геродотом ситуация становится совсем иной. Интерес к мифографии у галикарнасца уже практически нет, его труд посвящен близким по времени событиям. Зато чрезвычайно много хорографии: в совокупности она занимает, наверное, около половины геродотовского труда. С другой стороны, в хронологической сфере «отец истории» все еще, как правило, довольствуется генеалогической хронологией с поколенным счетом, что в большинстве случаев исключает точные датировки. Специалистам прекрасно известно, сколько путаницы с хронологией у Геродота⁸⁴.

Наконец, Фукидида тоже совсем не привлекает мифография, он пишет только о близких событиях (и в этом отношении следует Геродоту); в то же время совершенно не привлекает его и хорография (и в этом отношении он Геродоту не следует). Еще одна яркая черта его труда — самое пристальное внимание к хронологии, стремление сделать ее максимально точной и конкретной. Фукидида уже не устраивает не только генеалогическая, но и эпонимная хронологическая система, тем временем предложенная Геллаником; он идет дальше — к системе сезонной⁸⁵.

И на протяжении всего этого временного отрезка продолжал работать Гелланик. В результате получилось так, что три обозначенные стадии он на протяжении своей жизни прошел индивидуально. Вначале вместе с Ферекидом штудировал древние мифы. Затем вместе с Геродотом описывал различные города, страны, народы. Наконец, вместе с Фукидидом начал вырабатывать инструменты хронологической

⁸³ И это, между прочим, определенный шаг назад для раннеклассического историописания по сравнению с позднеархаическим, с Гекатеем, у которого были, кроме мифографических, также географические интересы.

⁸⁴ См. к вопросу хотя бы Struve 1952; Grantovskiy 1998, 189–296; Rhodes 2003.

⁸⁵ Ранее мы высказывали предположение (Surikov 2011, 276–278), что, возможно, уже Геродот в самых последних главах своего труда пытался использовать элементы этой системы. Сезонная хронология была удобнее эпонимной, по крайней мере при описании военных действий. Ведь каждая кампания начиналась весной, т.е. в одном архонтском году, а завершалась осенью, т.е. уже в следующем. При изложении событий «по архонтам» рассказ о ней приходилось бы дробить, что, естественно, нарушало бы связность повествования (ср. Thus. V. 20).

акрибии. Ни на одном из этих поприщ первым он не стал. Однако заслуживает внимания сам факт этого своеобразного развития Гелланика как автора, демонстрирующий его, во всяком случае, недюжинное умение улавливать новые веяния и, следуя им, менять писательскую манеру, идти в ногу со временем.

Литература / References

- Asheri, D. 1981: Ellanico, Jacoby e la “tradizione alcaeonida”. *Acme* 34/1, 15–31.
- Badian, E. 1994: Herodotus on Alexander I of Macedon: A study in some subtle silences. In: S. Hornblower (ed.), *Greek Historiography*. Oxford, 107–130.
- Balcer, J.M. 1987: *Herodotus and Bisitun: Problems in Ancient Persian Historiography*. (Historia Einzelschriften, 49). Stuttgart.
- Bichler, R. 2001: *Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte*. 2. Aufl. Berlin.
- Bravo, B. 2009: *La Chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la second moitié du IIe siècle av. J.-C.* (Studia Hellenistica, 46). Leuven.
- Chambers, M. 1993: Aristotle and his use of sources. In: M. Piérart (éd.), *Aristote et Athènes*. Paris, 39–52.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Diels, H. 1876: Chronologische Untersuchungen über Apollodors Chronika. *Rheinisches Museum für Philologie* 31, 1–54.
- Dougherty, C. 1993: *The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece*. Oxford–New York.
- Fornara, C.W. 1968: Hellanicus and an Alcmaeonid tradition. *Historia* 17/3, 381–383.
- Fornara, C.W. 1971: Evidence for the date of Herodotus' publication. *Journal of Hellenic Studies* 91, 25–34.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography*. Vol. II. *Commentary*. Oxford.
- Grantovskiy, E.A. 1998: *Iran i irantsy do Akhemenidov. Osnovnye problemy. Voprosy khronologii [Iran and the Iranians Before the Achaemenids. Major Controversies. Chronological Issues]*. Moscow.
- Грантовский, Э.А. *Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии*. М.
- Hammond, N.G.L., Griffith, G.T. 1979: *A History of Macedonia*. Vol. 2. 550–336 B.C. Oxford.
- Harding, P. 1994: *Androtion and the Atthis*. Oxford.
- Jacoby, F. 1902: *Apollodors Chronik. Eine Sammlung der Fragmente*. Berlin.
- Jacoby, F. 1912: Hellanikos. In: *RE*. Hlbd. 15, 104–153.
- Jacoby, F. 1913: Herodotos. In: *RE*. Supplbd. 2, 205–520.
- Jacoby, F. 1927: Skamon. In: *RE*. 2. Reihe, Hlbd. 5, 437.
- Jacoby, F. 1949: *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford.
- Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Teil I. *Genealogie und Mythographie*. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden–New York–Köln.
- Jennings, V., Katsaros, A. 2007: Introduction. In: V. Jennings, A. Katsaros (eds.), *The World of Ion of Chios*. (Mnemosyne Supplementa, 288). Leiden–Boston, 1–14.
- Joyce, C. 1999: Was Hellanikos the first chronicler of Athens? *Histos* 3, 1–17.
- Lenardon, R.J. 1981: Thucydides and Hellanikos. In: G.S. Shrimpton, D.J. McCargar (eds.), *Classical Contributions: Studies in Honour of Malcom Francis McGregor*. New York, 59–70.
- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hrsg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.
- Luce, T.J. 1997: *The Greek Historians*. London–New York.
- Matijašić, I. 2018: *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography: Imitation, Classicism, and Literary Criticism*. Berlin–Boston.
- Mehl, A. 2004: Herodotus and Xanthus of Sardis compared. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 337–348.
- Möller, A. 2007: The beginnings of chronography: Hellanicus' *Hiereiai*. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Momigliano, A. 1990: *The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley.

- Mosshammer, A.A. 1973: The Apollodoran *akmai* of Hellanicus and Herodotus. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 14/1, 5–13.
- Munson, R.V. 2007: The trouble with the Ionians: Herodotus and the beginning of the Ionian revolt (5. 28–38. 1). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories*. Cambridge, 146–167.
- Myres, J.L. 1953: *Herodotus, Father of History*. Oxford.
- Nicolai, R. 2006: Thucydides continued. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden–Boston, 693–719.
- Pape, W. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. 3. Aufl., neu bearbeitet von G.E. Benseler. Heft 2. Α – Ω. Braunschweig.
- Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
- Pelling, C. 2007: Aristagoras (5. 49–55, 97). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories*. Cambridge, 179–201.
- Pitcher, L. 2009: *Writing Ancient History: An Introduction to Classical Historiography*. London–New York.
- Prakken, D.W. 1943: *Studies in Greek Genealogical Chronology*. Lancaster.
- Rhodes, P.J. 1981: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2003: Herodotean chronology revisited. In: P. Derow, R. Parker (eds.), *Herodotus and his World: Essays from a Conference in Memory of George Forrest*. Oxford, 58–72.
- Rohde, E. 1901: *Kleine Schriften*. Bd. 1. Tübingen–Leipzig.
- Roisman, J. 2010: Classical Macedonia to Perdiccas III. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 145–165.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the first chronicler of Athens? *Klio* 85/1, 7–8.
- Sammartano, R. 1998: *Origines Gentium Siciliae: Ellanico, Antioco, Tucidide*. Roma.
- Scanlon, T.F. 2015: *Greek Historiography*. Chichester–Oxford–Malden (MA).
- Schreiner, J.H. 1968: *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo.
- Schreiner, J.H. 1997: *Hellanikos, Thukydides and the Era of Kimon*. Aarhus.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge–New York, 19–35.
- Sprawski, S. 2010: The early Temenid kings to Alexander I. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 127–144.
- Stanton, G.R. 1991: *Athenian Politics c. 800–500 B.C.: A Sourcebook*. London–New York.
- Struve, V.V. 1952: [The chronology of the 6th cent. B.C. in Herodotus' work]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 60–78.
- Струве, В.В. Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота. *ВДИ* 2, 60–78.
- Surikov, I.E. 2000: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epokh: Rod Alkmeonidov v politicheskoy zhizni Afin VII–V vv. do n.e.* [From the History of Greek Aristocracy of the Late Archaic and Early Classical Periods: The Alcmaeonidae Family in Athens' Political Life of the 7th–5th Cent. B.C.]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э.* М.
- Surikov, I.E. 2009: *Gerodot [Herodotus]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Геродот*. М.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Essays in Historiography in Classical Greece]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Surikov, I.E. 2019: [Pherecydes of Athens as a representative of the “pre-Herodotean” stage in ancient Greek historical writing]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii [Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua]* 20, 114–142.
- Суриков, И.Е. Ферекид Афинский – представитель «догеродотовского» этапа античного греческого историописания. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 20, 114–142.
- Thomas, R. 2000: *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge.
- Thomas, O.R.H. 2007: Charting the Atlantic with Hesiod and Hellanicus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 160, 15–23.
- Vasilev, M.I. 2016: The date of Herodotus' visit to Macedonia. *Ancient West and East* 15, 31–51.
- Zhmud', L. Ya. 2012: *Pifagor i rannie pifagoreytsy [Pythagoras and Early Pythagoreans]*. Moscow.
- Жмудь, Л.Я. *Пифагор и ранние пифагорейцы*. М.